

Глава 2

ОБЫВАТЕЛЬ И МИФ О ПРОГРЕССЕ

Обыватель верит в прогресс. Это своеобразный звездик, на который обыватели навешивают свои ожидания, комплексы, страх перед собственной малоценностью и мечту о постоянном комфорте. Собственно говоря, идея прогресса неотъемлема от идеи счастья, точнее, либерального понимания счастья.

Конечно, есть некое подставное, расписное представление о счастье: домик в деревне или, наоборот, на вершине индивидуального холма, разбухшие от молока вымена, детишки, кувырркающиеся перед этим домиком...

Но, если честно, счастье — это, безусловно, таинственный и мистический опыт переживания безвременья. Тут обыватель попадает в противоречие с самим собой. Прогресс только усиливает фактор времени, грузит его, повышает стоимость каждой минуты. То есть прогресс, распоряжающийся появлением новых гаджетов, — это враг счастья, если последнее всё-таки не понято как наличие крепкой избы.

Американцы впервые вбросили такую низменную и сверхпримитивную концепцию счастья, приплюсовав к ней всеобщее право на него. Кстати, внимательное изучение русской литературы, особенно последних десятилетий перед революцией, показывает глубокую зависимость русского гештальта от Конституции США.

* * *

О. Д.: Мы продолжаем цикл наших передач, и сегодня у нас интересная тема. Мы поговорим об обывателе и мифе о прогрессе.

Вы знаете, я на «Фейсбуке» запросил небольшой анонс, я его прочту. Вы, наверное, заметили уже, друзья мои, что благодаря усилиям массмедиа в последние десятилетия выведен новый тип человека, который презирует духовное усилие, хочет только потреблять, боится палки и любит попсу, при этом считает себя апологетом и составной частью прогресса. Давайте немного поговорим о том самом обывателе, которого мы видим вокруг себя. Ведь вокруг нас, собственно, одни обыватели и находятся. Или, Гейдар, с чего мы начнём разбирать? С мифа, прогресса или с самой фигуры обывателя?

Г. Д.: Обыватель, он, наверное, не потребует большого объёма анализа, потому что его очень легко определить. Это человек, который полностью заточен на аргумент тела, а тело, в свою очередь, заточено на аргумент комфорта. То есть это гедонист, эпикуреец, в таком слабом выражении, ослабленном, конечно, всякими матрицами этического порядка. С детства ему вбивали в голову, что нельзя отбирать игрушки, нельзя не делиться конфетами, и это немножко осложняет ему жизнь. В принципе, конечно,

он не хотел бы делиться ничем, но есть какие-то осколки этических матриц. В общем, ему понятны только материальные аргументы. Если обыватель начинает рассуждать о геополитике, то все его рассуждения сводятся к тому, что войны идут из-за раздела нефти и газа; гражданские войны вспыхивают потому, что их устраивают спецслужбы, которые, опять-таки, хотят тянуть или не тянуть в этих местах газопроводы, и выше этого он подняться не может, потому что вся история для него — это просто раздел песочницы и отъём жизненного пространства. Это на мой взгляд.

О. Д.: Но, может быть, это не так плохо, когда большинство людей живёт в подобных канонах: живи вкусно, дай немного жить другим...

Г. Д.: Но это большинство людей возникло сравнительно недавно. Если мы переместимся хотя бы на сто лет назад, то увидим, что подавляющее большинство горожан и, тем более, подавляющее большинство сельских жителей были вписаны в религиозную матрицу, которая, конечно же, подразумевала альтруизм, определённую жертвенность, готовность к физическому самоограничению. В России, например, среди дворянства была очень распространена идеалистическая этическая модель поведения, когда было стыдно делать какие-то определённые вещи.

О. Д.: Почему эта модель вдруг исчезла? Сейчас, насколько я себе представляю, молодое поколение в принципе живёт ради айфонов и прочего, а те самые «идеалы космических полётов», которые ещё были так популярны, скажем, 50 лет назад, они ведь исчезли. Все стремятся поближе к корыту.

Г. Д.: На моих глазах происходила борьба между носителями идеала «космических полётов» и идеала «носителей корыта». Я сейчас расскажу о своём личном опыте, а потом мы перейдём к более общим моментам.

В 1961 году вышла новая программа Коммунистической партии Советского Союза. Эта программа говорила о том, что наше поколение будет жить при коммунизме через каких-нибудь двадцать лет, в 1980 году. И она дала впервые определение, что такое коммунизм, с точки зрения Хрущёва и его присных. Это было очень вульгарное описание. Чудовищно роня авторитет этого слова, которое ранее было окружено достаточно мистическим ореолом. Оно было окружено ореолом сверхъестественного. Ведь что такое коммунизм? Коммунизм — это голубые сады на Марсе.

У Алексея Толстого есть такой сборник — «Голубые города», где он прямо указывал на то, что мотивировка страшных лишений, на которые шёл российский народ (гражданская война, холод, хлебные пайки по 200 граммов хлеба в сутки), — это не для того, чтобы есть от пуза колбасы. А потому что, как он писал: «Повелитель Гусев стоял, разгадывал объявление о полёте на Марс и говорит: “Я полечу, чтобы там дальше делать мировую революцию”».

На самом деле, вот такие люди были солью. Конечно, мешочники, которых ловили и расстреливали, они, наверное, были доминантной нотой внизу, но двигателем исторического процесса были такие вот Гусевы — носители мечты. Толстой очень хорошо описывает всё это. Но товарищ Сталин об этих «двигателях исторического процесса» позаботился. Он расстреливал, сажал, уничтожал людей, которые являлись носителями идей, идеализма. Если ты веришь в революцию, если ты считаешь себя ленинской гвардией, то путь тебе только один — в общую могилу, в безвестный ров. Уже в 1935 году благодаря такой его садоводческой деятельности в партии осталось менее 2% людей, вступивших в нее до октября 1917 года.

Что это значит? Это значит, что люди, которые вступили туда по зову сердца, когда партия была ещё ничем, были выбиты, а вот те, которые были конъюнктурщиками и вступили туда уже после октября 1917 года, они как-то ещё выживали. Но дальше уже слоями начинали работать и с ними.

О. Д.: Но всё-таки были и идеалисты. Королёв, например, был идеалистом.

Г. Д.: Это учёный.

Но они тоже при Сталине были шарашкой, потому что их использовали. Они могли бы и без шарашки работать, но, видимо, так считалось, что в шарашке как-то лучше.

Сталин занимался выведением обывателя, ему нужен был обыватель, нужен был человек, ориентированный на корыто, на колбасу, на верность хозяину, на безыдейность. Это была целенаправленная установка. Поэтому он покончил с партминимумом, партмаксимумом, ввёл «корыто и вертушку», такие вот главные термины партноменклатуры, фактически это распределитель. И всё это в качестве морали распространилось сверху вниз, зацепило всех. И на моих глазах в 1961 году, после того как было вброшено, что коммунизм — это бесплатная колбаса, развернулась бурная полемика. Народ получил оплеуху. На бессознательном уровне было религиозное чувство, религиозное понимание коммунизма как преобразования реальности, преобразования природы, некоего таинства, ожидания появления нового человека, перерождения нас самих, как только он настанет.

О. Д.: А когда он настанет?!

Г. Д.: Это вынесено за скобки.

Это как воскресение и вхождение в новую реальность.

И вдруг тебе говорят, что через 20 лет конкретно у вас у всех будет бесплатная колбаса, хлеб, не надо будет платить за квартиру, и прочее, прочее. Как бы всё будет хорошо.

Но коммунизм — это должно быть что-то другое. И вот появились некие молодые люди, учёные, тот же Казанцев, например, которые вступили в полемику. Они сказали: «Слушайте, получается, что у нас нет идей высоких, но мы же должны заряжаться неким пафосом, и на самом деле цель коммунизма — это выход на уровень ноосферы, как говорил ещё Вернадский. Это, знаете, овладение до 5% масштаба той энергии, которую Солнце роняет на Землю. Как только эти 5% будут достигнуты человечеством, человечество выйдет в околоземное пространство, а по достижении 10% начнёт менять физические законы. А что значит — менять физические законы? Главное, и это цель (читал это своими глазами) — в новом мире остановить второе начало термодинамики.

О. Д.: Да, это суперзадача.

Г. Д.: Да, в масштабах Вселенной.

Вселенная остывает, а человечество делает материю бессмертной, то есть материя благодаря человеку развивается до ноосферы, а потом ноосфера задним путём начинает, как Мюнхгаузен, вытаскивать себя за волосы, преобразовать материю и менять её законы. Но там такой вой поднялся по поводу этих заявлений, этих людей так оттоптали... Какие-то там министерства, академики писали в «Известиях», что это уже совсем идиоты. Ну о чём может идти речь?! Ну конечно же, колбаса, ну конечно же, всё ради колбасы.

О. Д.: Слушайте, может быть, именно поэтому Стругацких так долго не печатали? Но тем не менее их известные произведения перепечатывались на машинках, интеллигенция

их как-то читала, переписывала от руки. Ведь Стругацкие были представителями идеализма.

Г. Д.: Я бы сказал, что это не идеализм, а космизм. Это осколки русского космизма. А русский космизм, в свою очередь, является некой ветвью западноевропейской платонической традиции. Не забывайте о том, что космизм незаслуженно забыт. Гегель — это просто Платон сегодня, или вчера, через две с половиной тысячи лет. Это некий итог переваривания Платона западноевропейским менталитетом, и в общем-то одна из струек этого направления — это космизм. Но шла борьба с идеализмом большевистского типа, я бы даже сказал, троцкистского типа, потому что Троцкий был его покровителем. Вот интересно, что русские и семиты ненавидят Троцкого. Они говорят: «Он убивал казаков, мучил русских людей» и прочую бредятину. Они, как люди невежественные, не понимали, что Троцкий был главным защитником всего именно русского.

Во-первых, он был защитником Есенина и его покровителем. Как только Троцкого поперли из ЦК — Есенина убили, инсценировав самоубийство.

Про казаков: рассказыванием занимался не Троцкий, он как раз был покровителем казаков. Рассказыванием занимался Сталин и его люди. Травили и уничтожали казаков сталинисты, а Троцкий был защитником казаков.

Далее, Троцкий был покровителем русского религиозного национал-большевизма. Я уже упомянул, что он покровительствовал Есенину, но он покровительствовал и Клюеву, который был учителем Есенина. А Клюев — это уже старообрядческое ядро, ядро большевизма снизу — народный большевизм. Это «керженский дух», который есть у Ленина, как пишет Клюев. Вот этому-то всему и покровительствовал Троцкий. Именно Троцкий со всем

антирусским боролся, а вот кто боролся с русским, так это был русский Бухарин.

Русский Бухарин (чисто русский) — любимец партии, так называемый правый коммунист, боролся с балалайкой, с Есениным, с Карпатской Москвой, со всей старой Русью, он был автором лозунга «Обогащайтесь», то есть он был таким либерал-гедонистом.

О. Д.: Говоря проще, если бы Троцкий остался вместо Сталина, у нас бы идеалистов было побольше в стране.

Г. Д.: Прежде всего, если бы Троцкий остался, то изменилась бы в значительной степени геополитическая карта мира. Потому что в 20-е годы Европа стала бы социалистической. В конце концов, именно товарищ Сталин провалил наступление на Европу, и его след есть в том, что сорвалось наступление на Варшаву (в 1920 году), хотя все карты были на руках: падение Варшавы открывало путь на Берлин.

Сталин срывал революции и после этого. Например, в 1936 году Франция была на волоске от революции, и Сталин сделал всё, чтобы коммунистическая партия саботировала народное движение.

О. Д.: Да, понятно. Вернёмся к обывателю. И так, к 80–90-м годам прошлого столетия, когда распадался Советский Союз, во многом обывательская психология наших сограждан вышла на первый план, и все эти идеальные представления о мире будущего с яблонями на Марсе и изменением второго закона термодинамики отошли на задний план, и сейчас про них почти никто не вспоминает.

Так вот, обыватель сегодня даже не вспоминает об идеалах. И если в сталинское время или, скажем, в 60-е годы, когда появилась хрущёвская программа построения коммунизма, всё-таки об идеалах ещё спорили, то сейчас практически

об этом никто и не вспоминает. Или остались такие представители идеального мира?

Г. Д.: Абсолютно, по-моему, нет, кроме очень узких кругов.

Это практически некий эксклюзив, например люди, близкие Дугину, сам Дугин. Он вошёл в академический истеблишмент, всё-таки профессор и дважды доктор наук. Поэтому можно сказать, что он является уже не маргиналом, а носителем генома интернационализма, причём совершенно официально. Он один, ну, может быть, у него есть несколько учеников. Все остальные, которых мне приходилось читать, это просто звериный материализм, даже не материализм, а агностицизм, ползучий эмпиризм. Это, конечно, гедонизм и крайне заземлённая форма эпикурейства. Это «империализм лайт», я так считаю. А в «империализме лайт» нет и этики никакой. Этика не работает в наших российских условиях.

О. Д.: А вам не кажется, что в этом есть влияние англо-американского мира, англосаксонской модели?

Г. Д.: Есть, потому что англосаксонская модель дала очень много таких образцов гедонизма, агностицизма, ползучего эмпиризма, которые привычны для англосаксонской мысли.

О. Д.: В своё время я наткнулся на цитату Оскара Уайльда, он определял цинизм так: «Циник — человек, знающий всему цену, но не знающий ценности». Это очень понятно звучит, действительно, «всё можно купить», и сегодняшнее общество ведь такими категориями и мыслит.

Г. Д.: Но англосаксонская модель корректируется тем, что существует некое масонское протестантское ядро, которое абсолютно реально верит в провиденциализм, в конец истории, в преображение мира, в спасение человечества, в то,

что Иисус любит тебя. Это именно то, что у Буша в голове. Это ядро, оно есть, и оно имеет серьёзное влияние...

О. Д.: То есть Бог хочет, чтобы ты был богатым?

Г. Д.: Дело в том, что этого коррелятора здесь нет. Здесь нет ничего подобного Бушу, ничего подобного библейскому поясу фермерского протестантизма, а на самом деле тут есть более широкий спектр проблем. Мы начали с обывателя и прогресса. Прогресс для обывателя очень тесно связан с его заточенностью на аргумент тела, потому что прогресс для него есть повышение комфорта. Фрейд определял изначальное состояние человека как океаническое блаженство, которое испытывает зародыш в матке, потому что он плавает в околоплодной жидкости и у него абсолютная защищённость, абсолютное отсутствие неприятных раздражителей, которые материнский организм берёт на себя, и он находится в абсолютном слиянии с окружающей средой, где субъект и объект не различаются. Но потом происходит травма рождения, когда он проходит через родовые пути, попадает сразу на холодный воздух, ему в глаза резко бьёт свет, в ушах звучат крики и неприятные голоса, и дальше он стремится вернуться к этому своему океаническому блаженству. Всё, к чему он стремится, — это погасить влияние среды и вернуться в состояние эйфории, комфорта. Так вот, для обывателя прогресс есть не что иное, как движение назад, всевозрастающее движение от резкой неприятной среды к этому состоянию океанического блаженства, или к «золотому веку», когда между человеком и средой не было зазора. Он не знал, что такое снег, дождь, холод, иней, и не нуждался ни в огне, ни в пещере, а просто купался в водах этого мира.

А что такое прогресс? Прогресс — это искусственная технологическая замена мистического «золотого века». Это гаджеты, самолёты, которые переносят тебя за два часа на

расстояние 100–1000 километров. Это медицина, которая тебя защищает, и весь прогресс, привязанный к телу.

А в действительности прогресс несёт в себе и очень серьёзный негативный смысл. Вот допустим, если посмотреть на современный мегаполис, где 90% жителей — потомки тех, кто сидел по медвежьим углам ещё три поколения назад. Какие-то рыбаки, если взять Париж — то это бретонские рыбаки, какие-то крестьяне, а французские крестьяне сто лет назад были очень дремучими, не менее дремучими, чем российские крестьяне. Они сидели все по своим углам, и, метафорически выражаясь, время их с точки зрения тогдашней экономики стоило копейку, причём день, год, а может, и вся их жизнь стоила копейку, если посмотреть с экономической точки зрения. А у их потомков, которые уже являются офисным планктоном, час уже стоит очень дорого. В этом смысле прогресс есть не что иное, как повышение стоимости жизненного времени обитателей мегаполиса. И мы видим, что воронка этого прогресса заточена на то, чтобы увеличить массу стоимости коллектива, этого человеческого материала.

Сначала повышаем стоимость времени мужчин, потом мы видим, что у нас есть ресурс — бабы не работают, бабы занимаются чёрт-те чем: стоят у плиты, с детьми возятся. Ну-ка давайте их в экономику бросим и за счёт этого тоже накрутим стоимость их жизненного времени и получим прирост общего капитала, связанного с человеческим временем. После этого начинаем смотреть — а где у нас ещё фермеры сидят. Сокращаем эти медвежьи углы, заставляем их мигрировать в город. Сначала безработными, потом используем их на примитивных строительствах дорог, заводов. Если они в конечном счёте всё же оказываются безработными, то мы нагружаем их функцией участников социальных программ, то есть они получают пособие,

и вокруг них крутится ещё много людей, которые получают за то, что занимаются этими безработными.

Таким образом, прогресс заключается в том, чтобы наращивать стоимость человеческого капитала. Которая заключается в оценке времени, а ведь это, честно говоря, есть отчуждение в чистом виде, то есть это прямое ограбление человека. Да, конечно, офисный планктон не будет сравнивать себя с дедами и прадедами, потому что офисный планктон ходит на фитнес, в ночные бары и клубы и он доволен своей жизнью. Но ведь офисный планктон двумерен абсолютно, ибо вся его жизнь — это трансформация длительности в стоимость. Вот это и есть прогресс.

О. Д.: Что получается? В чём смысл? Я так понимаю, что идеализм, который был во многом определяющим сто — сто пятьдесят лет назад, сейчас не продаётся. Продаются автомобили, айфоны, фитнес, а идеализм продать нельзя, разве только в виде секты какой-нибудь или подходящей религии для общества. В этом дело?

Г. Д.: Я думаю, что ситуация реально такова, что сто пятьдесят лет назад идеализм никто не продавал, он был остаточным, это была задержка предыдущих матриц, которые не успели ещё рассыпаться. Можно отметить, что обыватель всегда живёт в предыдущем столетии, а элита — в следующем. Скажем, в XX веке средний человек живёт в XIX, а авангард — в XXI веке. То есть авангард находится в постмодерне, а обыватель и низы — ещё при Дарвине, при теории эволюции, при борьбе с церковью.

О. Д.: Я сейчас подумал, а может, не так плохо, что столько много обывателей? Пусть это стадо живёт себе и живёт, а люди смыслённые, быстро соображающие могут получить себе много благ жизни.

Г. Д.: Так это приведёт к тому же самому, к колбасе и к аргументу тела. Вопрос, однако, заключается в том, что, если мы имеем цели в жизни, они всегда автоматически уходят за рамки сугубо индивидуально человеческие, то есть они являются надындивидуальными. Фактически невозможно иметь цели, которые были бы ограничены рамками человеческого индивидуально-телесного формата. Есть такой убогий вариант, это американская мечта, индивидуальный проект каждого американца. Когда американец рождается, у него есть задача реализовать некий образ: домик, семья, которая растит детей, газонокосилка и определенное комьюнити вокруг в данном местечке. Но это, я бы сказал, исключительно уродливая вещь, она была бы ничего себе, если бы была замкнута и склеена клейкой лентой, как в некоторых американских фильмах показывают, — бесконечное вращение на том свете. Вопрос в том, что человек смертен, а смертность ставит вопрос о смысле всего остального...

О. Д.: Смертность человека всему придаёт смысл...

Г. Д.: Да, она всему придаёт смысл и одновременно лишает смысла многое. Все эти мелкие детали, которые погружают человека в жизненный сон: домик, газонокосилка, дети, пошедшие в школу. Я называю это «минимальным человеческим пониманием». Я писатель и делю людей на две группы: которые его имеют и которые не имеют. Не имеющие могут быть очень талантливыми. Но поясню, что я хочу сказать: есть Лев Толстой, он классический обладатель этого «минимального человеческого понимания», которое он выразил в рассказе «Смерть Ивана Ильича». Иван Ильич обнаруживает, что он умирает, и он шаг за шагом понимает, что всё, что для него было ценностью, абсолютно бессмысленно. Он думает: у меня есть Анненская лента, Станиславский меч, я тайный советник, но всё оказыва-

ется мелочью перед лицом смерти. У Льва Николаевича Толстого было это минимальное человеческое понимание, которое начинается с отмены всех ценностей первичного жизненного сна перед лицом смерти. Парадокс, но у Достоевского его не было. Достоевский не имеет минимального человеческого понимания и избегает его иметь. Он более драматичный, более насыщенный, но у него нет этого минимального человеческого понимания. Так вот, Америка стоит на полном отсутствии минимального человеческого понимания, у неё вообще нет идеи, что смерть отменяет весь этот бред, который называется жизнью.

О. Д.: Вот как. То есть ты живёшь один раз, и постарайся от этой жизни больше всего забрать, правильно я понимаю такую логику?

Г. Д.: Я думаю, концепция заключается в том, что ты реализуешь одно желание за другим. Они же как говорят друг другу и всем остальным: «В этой стране ты можешь сделать всё, что хочешь, можешь стать кем хочешь, реализовать любой план, ты можешь даже стать президентом США». Всё это вместе образует яркий фейерверк возможностей, из которых исключены те, что эта штука гаснет или её можно обесточить. И потом, если посмотреть изнутри, то президент США ничем не отличается от чирлидера (девочки, которая мотивирует команды, размахивая флажками). Всё основано на том, что человек находится в глубоком сне и этот сон не должен прерываться. Потом он засыпает в доме для престарелых и просыпается, когда к нему приходят родственники попрощаться.

О. Д.: Я когда-то в молодости прочитал Жана-Поля Сартра, если не ошибаюсь, концепцию смысла жизни, и была она сформулирована примерно так: «Смысл жизни в том, чтобы поинтереснее замаскировать бессмысленность своего суще-

ствования». Меня, конечно, огорчила эта идея, я пытался как-то поинтереснее маскировать бессмысленность своего существования, но ничего особенного не получилось. Что же делать, я вас спрошу, как человека умудрённого? Какой же выбрать путь?

Г. Д.: Я почему остановился так подробно на американской бессмыслице? Потому что я хотел сказать, что любое движение к смыслу выводит нас за рамки чисто человеческого пространства, то есть дома и семьи. Это всегда проект, связанный с перешагиванием границы. Почему, собственно говоря, в традиции революционных движений, в исторической традиции социализма всегда говорилось о новом человеке? Потому что нет смысла давать свободу, равенство, полноту материальных возможностей человеку, который имеется сейчас. Мы имеем вокруг себя таких людей, которых мы наблюдаем. Допустим, с позиций французских просветителей XVIII века мы говорим, что все права перейдут самим гражданам, и будем добиваться, чтобы короля не было, а взамен него все плясали бы под карманюлу, и все эти людишки были бы вместо короля. Даже для самых крутых якобинцев такое было бы бессмысленно. Поэтому подразумевалось, что люди будут другими, что они действительно превратятся в сверхлюдей, титанов, ангелов, и им будут принадлежать и равенство, и братство, и свобода, и всё-всё-всё. Но это есть перешагивание границы. Если утверждать, что всё должно принадлежать этим серым, убогим, ничтожным, я думаю, что от этого открестился бы и Жан-Поль Марат, и все бы открестились. У многих есть идеи перешагивания за границы человека, и это правильно, потому что человек — это туча, которая чревата молнией. Я не хочу здесь цитировать Ницше: «...я учу вас о сверхчеловеке; он — это молния, он — это безумие», нет. Сверхчеловек — это не религиозная концепция, это антирелигиозная концепция. Но саму религию надо по-

нимать шире. Религия — это не только поклонение Творцу, это гораздо более путаная вещь, для которой поклонение творцу есть некий фон, некое оформление. Религия — это проект преодоления чудовищной тягости, чудовищного закона тяготения. Мы все находимся в поле тяжести, не просто в поле земного притяжения, а под воздействием гравитации. Мы находимся в гравитационном поле: это то, что превращает энергию в вещество, то, что сгущает субстанцию. Сначала субстанция огненная и лёгкая, свободная, бесконечная во всём своём протяжении, а потом она превращается в сгусток, в чёрную дыру на выходе, и это рок. Рок — это есть движение от лёгкого и subtilного к густому, плотному и не выпускающему даже свет из своих чёрных объятий. Это и есть то, что именуется движением времени, движением рока. Собственно говоря, пафос дохристианских, доисламских, греческих героев — Одиссея, Ахилла — в чём состоял? Они бросали вызов року, они поднимались и бросали вызов року, бросали вызов гравитации, понимаемой в метафизическом и духовном смысле. Это суть религии. В чём заключается сверкающий пафос монотеизма, ислама? В том, что этим героям дано обещание — они будут правы. Древнегреческим героям никто не давал обещания, что они будут правы. И Одиссею, и Ахиллу никто не давал обещания, что они будут правы.

О. Д.: А Прометея приковали к скале, и орлы долго клевали его печень.

Г. Д.: Прометей не герой, он титан.

О. Д.: А, понятно.

Г. Д.: Герой поднимался, зная, что он обречён. Он поднимался на баррикаду своей экзистенции, зная, что проиграет, потому что древнегреческий герой в своём замечательном шлеме с конской гривой, с коротким мечом

и с голыми ногами, стоящий среди скал и морей... Знаешь, есть среди этого мироздания, абсолютно несправедливого и абсолютно ошибочного, такая прореха. Он был обречён, но он всё равно поднимался. В конечном счёте именно этому герою приходит обещание, что он может выйти к свету. Существует обещание. В этом, собственно, суть откровения библейских пророков, я имею в виду авраамических. В этом суть нашего чистого монотеизма, который идёт от Авраама. Древние греки остались без этого, а у нас это есть. У нас это есть, если правильно понять и правильно использовать.

Но не можем — и это главное в нашей жизни. Поэтому борьба с «не можем» — это всегда религиозная борьба. А «искусство возможного», реальная политика «искусства возможного» есть рептильное искусство приспособления. Это как раз антирелигиозный путь обывателя. И хочу подчеркнуть ещё раз, что прогресс — это чудовищное, убийственное, античеловеческое движение. Античеловеческий прогресс, в ходе которого человек просто... Человек просто заменяет сейф, из которого берут деньги, открывают, когда нужно, берут пачку за пачкой, тратят, и в конце концов рука просовывается в очередной раз, а там пусто на полке, человек полностью пуст. Невозможно сделать время человека более задействованным, чем время офисного планктона в Париже или в Нью-Йорке, где он крутится как белка в колесе. Выше этого уже не прыгнешь. А нет ресурса — и в кого прогресс превратит остаток человечества, эти бедные 3,5 миллиарда людей, которые живут на доллар в сутки, если нет возможности подтянуть их ближе к Нью-Йорку, таких денег попросту нет. В Советском Союзе в своё время решили этот вопрос — 150 миллионов мужиков сделали стахановцами, гагановцами, героями, а сейчас у 700 миллионов человек в Африке нет таких денег.

* * *

Освободить обывателя от идиотизма идеологии прогресса — это дело благое, потому что вместе с таким освобождением обыватель должен перестать быть обывателем. Но, поскольку затраты исторической субстанции на трансформацию обывателя чрезвычайно велики по сравнению с мизерным результатом, те, кто идут в авангарде, лучше пусть сразу освободятся от желания «нести свет людям».